

УДК 94(571.15)"17/19":736 + 94(470.5)"17/19":736

*Л. С. Тихобаева***Внутриотраслевое развитие кабинетских камнерезных предприятий Урала и Алтая в конце XVIII — начале XX в.**

Статья посвящена сравнительному анализу региональных особенностей развития предприятий камнерезной промышленности на Урале и Алтае, с 1811 г. принадлежавших Кабинету е. и. в. Автор меняет сложившееся в литературе представление об автономном функционировании и развитии российских камнерезных центров. Ведомственная централизация управления ими в первой трети XIX в. способствовала формированию отраслевого единства, строившегося на региональных и сырьевых приоритетах Кабинета, а также на обеспеченности Екатеринбургской гранильной и Кольванской шлифовальной фабрик ведомственными заказами. До отмены обязательного труда было характерно преимущественно паритетное отношение Кабинета к уральскому и алтайскому центрам художественной камнеобработки. Последствия реформы 1861 г., усилив региональные особенности функционирования каждого из предприятий, сформировали новые приоритеты внутриотраслевого развития центров кабинетской камнеобработки. Результатом стал упадок производства на Кольванской шлифовальной фабрике и потеря ею значения в отрасли к началу XX в. **Ключевые слова:** *Кабинет его императорского величества, Екатеринбургская гранильная фабрика, Кольванская шлифовальная фабрика, камнерезное производство, горная промышленность, Урал, Алтай.*

В XVIII — начале XX в. в России сложилась и развивалась уникальная отрасль — камнерезная промышленность. Она была представлена Петергофской гранильной фабрикой, Локтевской шлифовальной мельницей и сменившей ее Кольванской шлифовальной фабрикой, Екатеринбургской гранильной фабрикой и Горнощитским мраморным заводом. Центры художественной камнеобработки (Петергоф, Екатеринбург, Кольвань) располагались на огромном расстоянии друг от друга, но с 1811 г. они были объединены общим ведомственным подчинением Кабинету его императорского величества, составив одну из отраслей обширного кабинетского хозяйства. Руками уральских и алтайских камнерезов сделано большое количество уникальных по качеству исполнения и размеру изделий из цветных камней, которые использовались для поддержания престижа власти российских императоров как внутри государства, так и на международном уровне.

Специфика отрасли предопределила особенности ее освещения в историографии. Объектами внимания немногочисленных исследо-

ваний по истории кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири являлись историко-геоммологические и искусствоведческие аспекты изделий из цветных камней, производственные процессы, техническое оснащение завода и фабрик, история их организации, частично – рабочие кадры. Более проработанной является история уральских камнерезных предприятий (Б. В. Павловский, В. Б. Семенов, Н. И. Тимофеев, Ю. О. Каган) [1; 2; 3; 4; 5]. История камнеобработки на Алтае наиболее полно представлена не в научной литературе (Н. Я. Савельев, Т. И. Агапова) [6; 7], а в научно-художественной книге А. М. Родионова [8]. Уральских и алтайских ученых объединяет территориальная ограниченность их публикаций, а также интерес к отдельным предприятиям, а не к отрасли в целом. Несмотря на наличие работы академика А. Е. Ферсмана [9], освещающей историю каждого из центров художественной камнеобработки России, ее положение для каждого из предприятий отличается автономностью и отсутствием сравнительного анализа различных сфер их производственной деятельности. Исходя из этого, цель данной публикации состоит в том, чтобы на основе сравнительного анализа выявить региональные особенности развития двух удаленных друг от друга центров художественной обработки камня и раскрыть внутриотраслевую динамику кабинетской камнерезной отрасли на Урале и Алтае в конце XVIII – начале XX в.

В период правления Екатерины II отечественный цветной камень стал рассматриваться не только как отделочный или декоративный материал, но и как одно из средств поддержания престижа Российской империи и власти императора. С этого времени главным условием стабильного функционирования камнерезной отрасли в России при иницилирующей роли государства являлся устойчивый интерес верховной власти к получению результатов камнерезного производства в промышленном масштабе. Наряду с расширением сырьевой базы, конец XVIII – первая четверть XIX в. характеризовались поиском оптимальной модели управления камнерезной отраслью. Впервые централизация управления поиском, добычей и обработкой цветного камня в России была осуществлена в рамках Канцелярии от строений и учрежденной при ней в 1765 г. Экспедиции о разыскании разного рода цветного камня. В ведении первой из них с 1741 г. находилась Петергофская гранильная фабрика. Экспедиция же полу-

чила монопольное право на разработку всех месторождений камня в государстве [5, с. 68; 10, с. 103–104]. В ее распоряжение постепенно были переданы два казенных предприятия для обработки мрамора в Екатеринбурге, камнерезная фабрика Северского завода А. Ф. Турчанинова и построенный по распоряжению руководителя Экспедиции Я. И. Данненберга при Горнощитском прииске мраморный завод, расположенный в 40 верстах от Екатеринбурга. Этим же ведомством стали осуществляться интенсивные поиски и изучение месторождений уральских камней. Можно согласиться, что «от этого времени и берет начало камнеобрабатывающая отрасль, базирующаяся на Урале, но подчиняющаяся Канцелярии от строений» [2, с. 36].

Некоторую ведомственную обособленность камнерезные предприятия утратили в 1782 г., когда уральский центр художественной камнеобработки поступил в распоряжение казны. 4 января 1782 г. Экспедиция о разыскании разного рода цветного камня Канцелярии от строений ее величества домов и садов была переименована в Екатеринбургскую экспедицию мраморной ломки и прииска цветных камней Тобольского и Пермского наместничества и передана под управление генерал-губернатора Пермского наместничества Е. П. Кашкина [2, с. 42]. Екатеринбургская гранильная фабрика и Горнощитский мраморный завод получили статус казенных предприятий. Состоявшаяся в 1797 г. передача Екатеринбургской экспедиции под управление президента Императорской академии художеств обособила предприятия отрасли от остальных горных заводов Урала [11, с. 183–184]. Учреждение в 1802 г. Екатеринбургского горного начальства закрепило двойное подчинение камнеобрабатывающих предприятий Урала: Академии художеств в центре и горному начальству в регионе.

Вопрос об уравнивании правового положения камнерезов с уральскими казенными мастерами, поставленный президентом Академии художеств А. С. Строгановым вследствие произошедших перемен [12, с. 221], инициировал новое обращение к вопросу об управлении камнерезной отраслью Урала, осуществленное в рамках подготовки проекта Горного положения. Для сохранения единства управления по городу Екатеринбургу министр финансов А. И. Васильев предложил передать руководство гранильной фабрикой и мраморным заводом екатеринбургскому горному начальнику, подчиняв-

шемуся в делах по этим предприятиям президенту Академии художеств. Для преодоления существовавших между горным начальством и администрацией фабрики противоречий А. И. Васильев предлагал определить при горном начальнике помощника по управлению камнерезными предприятиями, назначавшегося А. С. Строгановым. Президент Академии художеств выразил свое согласие с мерами министра финансов, но с условием ограничения компетенции горного начальника в отношении уральских камнерезных предприятий исключительно гражданскими и полицейскими делами. Внутреннее управление Екатеринбургской гранильной фабрикой и Горнощитским мраморным заводом, по мнению А. С. Строганова, должен был осуществлять назначенный им командир этих предприятий обер-бергмейстер А. Т. Булгаков, должность которого была учреждена после упразднения Екатеринбургской экспедиции 17 мая 1805 г. [13, с. 1133; 14, л. 22 об.–23; 15, л. 3–3 об.].

В утвержденном в 1806 г. Проекте Горного положения вопреки требованиям президента Академии художеств были закреплены предложения министра финансов по управлению уральскими камнерезными предприятиями. Проект унифицировал руководство Екатеринбургской гранильной фабрикой и Горнощитским мраморным заводом с казенными предприятиями Екатеринбургского горного округа, которое осуществлял горный начальник [16, л. 10 об.]. Но если в вопросах управления государственными заводами горный начальник подчинялся берг-инспектору и Горному правлению, то в руководстве гранильной фабрикой и мраморным заводом — президенту Академии художеств. 17 декабря 1806 г. горный начальник Екатеринбургского округа И. Ф. Герман сообщил обер-бергмейстеру А. Т. Булгакову о получении им предписания А. С. Строганова с рекомендацией вступить «законным порядком в управление Екатеринбургской шлифовальной и Горнощитской мраморной фабрик» [17, л. 6]. При этом А. Т. Булгаков назначался помощником горного начальника с сохранением должности командира уральских камнерезных предприятий [3, с. 700].

Двойственная система управления Екатеринбургской гранильной фабрикой и Горнощитским мраморным заводом, сложившаяся в результате введения в действие Проекта Горного положения, была сохранена и после передачи этих предприятий в ведение Кабинета 3 ноября 1811 г. Лишь место президента Академии художеств занял

управляющий Кабинетом. Горному начальнику предписывалось обращаться к нему только в делах особой важности. Представления по гранильной фабрике и мраморному заводу рекомендовалось делать прямо в учрежденное в 1812 г. при Горной экспедиции Кабинета особое отделение по каменоломням, в заведование которого были переданы Петергофская, Екатеринбургская гранильные фабрики, Горнощитский мраморный завод и Колыванская шлифовальная фабрика [18, л. 58–58 об., 60–61 об.]. На основании Проекта Горного положения под управлением горного начальника были оставлены «местный надзор и хозяйственное распоряжение» по уральским камнерезным предприятиям [19, л. 2].

В условиях двойного подчинения уральской камнеобработки на центральном уровне Кабинету, а на местном — горному (казенному) ведомству, развитие отрасли зависело от степени вмешательства Кабинета в местное управление предприятиями. Архивные материалы свидетельствуют, что в 1810–1820-е гг. в отношении к Екатеринбургской гранильной фабрике и Горнощитскому мраморному заводу в центре внимания Кабинета находились преимущественно финансовые вопросы, производственные процессы, добыча обнаруженного в 1812 г. на Урале наждака и доставка его на Колыванскую шлифовальную фабрику [20, с. 145–146]. В отношении рабочих кадров Кабинет занимался лишь определением и назначением пенсионного содержания мастеровым и членам их семей [21, л. 4–5 об.; 22, л. 164–164 об.], не вмешиваясь в действия горного начальства по повышению жалованья камнерезам и их перемещению по службе [21, л. 28–28 об., 50, 138–138 об.]. Но двойное подчинение предприятий усугублялось отсутствием в указанный период четких инструкций, определявших компетенцию горного начальника в отношении Екатеринбургской фабрики и Горнощитского завода. В 1823 г. о «затруднениях входить в дела гранильной фабрики, по неимению особых правил касательно к оной обязанностей», сообщал Кабинету более года находившийся в должности горного начальника Екатеринбургских заводов О. С. Осипов [16, л. 10]. В ответ на его обращение Кабинет процитировал статью Проекта Горного положения об осуществлении горным начальником «местного надзора и хозяйственного распоряжения» по камнерезным предприятиям и предложил обратиться к опыту предшественников [16, л. 11].

Отмеченные административные перемены и вызванные ими проблемы в рассматриваемое время не были характерны для колыванского центра художественной обработки камня. Его появление, расширившее территориальные рамки камнерезной отрасли, было связано с открытием на Алтае в 1786 г. и последующими интенсивными поисками поделочных камней. Успешный результат разведок обусловил организацию камнерезного производства при Локтевском медеплавильном заводе, рядом с месторождением черного порфира [23, с. 127–130]. В 1802 г. оно было переведено в специально построенное в Колыванском поселке здание шлифовальной фабрики. Последовательно существовавшие Локтевская шлифовальная мельница и Колыванская шлифовальная фабрика располагались на территории, находившейся под управлением Кабинета, что изначально определило принадлежность этих предприятий кабинетскому ведомству. На Алтае, независимо от ведомственного подчинения горнозаводского комплекса, всегда существовала трехступенчатая структура руководства камнерезным производством: Кабинет – начальник Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа – управляющий Локтевской мельницей / Колыванской шлифовальной фабрикой. Поэтому даже при отсутствии четких инструкций по управлению Колыванской фабрикой ведомственная вертикаль кабинетского управления всем западносибирским горнозаводским регионом в первой трети XIX в. не допускала административных сложностей, подобно Уралу.

С 1830 по 1855 г. все предприятия Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа были переданы под управление Департамента горных и соляных дел Министерства финансов. Ведомственную зависимость от Кабинета сохранила лишь Колыванская шлифовальная фабрика. В этот период в ситуации двойного подчинения, как и на Урале, оказался горный начальник Колывано-Воскресенских заводов. «Правила о передаче в ведомство Министерства финансов Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов» предписывали ему осуществлять местное управление Колыванской шлифовальной фабрикой на основе соответствующего уральского административного опыта. В октябре 1830 г. горный начальник Колывано-Воскресенских заводов обратился к начальнику Екатеринбургских заводов с просьбой «как можно поспешнее доставить списки с узаконений или на-

частьствующих распоряжений о правах и обязанностях управления гранильной фабрикой», которыми он мог бы руководствоваться в отношении Кольванского предприятия [24, л. 120–120 об.]. Однако вопрос о компетенции горных начальников по управлению кабинетскими камнерезными предприятиями оставался открытым.

На момент запроса в распоряжении горного начальника Екатеринбургских заводов находился только проект Положения по императорской Екатеринбургской гранильной фабрике и Горнощитскому мраморному заводу. Создание проекта было поручено 6 октября 1827 г. министром императорского двора и управляющим Кабинетом прежнему начальнику Кольвано-Воскресенских заводов П. К. Фролову [22, л. 383–383 об.]. Можно предположить, что одной из причин этого внутриотраслевого административного сотрудничества стало существенное различие в местном управлении камнерезным производством Урала и Алтая. Интересно отметить, что 2 февраля 1830 г. было высочайше утверждено «Положение Императорской петергофской гранильной фабрики» – первого по времени возникновения из трех центров камнерезной отрасли России [24, л. 29–32]. Возможно, разработка такого административно-производственного устава планировалась и в отношении Кольванской шлифовальной фабрики, но так и не состоялась, поскольку Кабинет мог не испытывать необходимости в таком документе в силу изначальной собственной принадлежности алтайского предприятия.

В проекте П. К. Фролова [20, с. 147] функциями местного управления наделялся горный начальник Екатеринбургских заводов, что соответствовало существовавшей практике [24, л. 157–157 об.]. После редактирования местной уральской администрацией проект 19 апреля 1836 г. был утвержден императором [25, л. 179–212; 26, с. 422–430]. На основе «Положения Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского завода» вплоть до реформы 1861 г. регулировались административная и производственная сферы их деятельности. Наибольшему изменению подверглась система управления уральскими камнерезными предприятиями, из которой был исключен горный начальник Екатеринбургских заводов, а его полномочия перешли в кабинетское ведомство. Ему же стал напрямую подчиняться директор Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского мраморного завода. Управление этими предприятиями и

Колыванской шлифовальной фабрикой с 1830 г. было сосредоточено в пятом хозяйственном отделении Кабинета.

С образованием в 1826 г. Министерства императорского двора и уделов (далее – МИДВУ) из ведения Кабинета была изъята Петергофская гранильная фабрика. По Положению от 2 февраля 1830 г. она подчинялась непосредственно вице-президенту Департамента уделов МИДВУ и финансировалась из его средств. Возможно, это было связано с тем, что занимавший эту должность Л. А. Перовский в конце 1820-х гг. реанимировал камнеобработку на Петергофской фабрике, в помещении которой в 1812 г. был организован госпиталь [9, с. 108]. Положением Императорской петергофской гранильной фабрики предусматривалось прекращение ежегодных ассигнований в размере 25 000 руб., после того как предприятие сможет самостоятельно финансировать свое производство за счет выручки от продажи изделий [24, л. 31–31 об.]. Введение такого порядка можно рассматривать как попытку Департамента уделов поставить функционирование камнерезного предприятия в Петергофе на коммерческую основу. Задачей этого учреждения являлось обеспечение денежными средствами членов императорской фамилии, поэтому поиск коммерческих путей ее решения был в целом характерен для Департамента уделов. По материалам Л. Р. Горланова, Петергофская гранильная фабрика «сумела обеспечить значительную прибыль удельной казне» [27, с. 87, 92].

В отличие от Департамента уделов, кабинетское ведомство допускало лишь частичную коммерциализацию своих предприятий камнеобработки. Ко времени поступления в распоряжение Кабинета Екатеринбургская гранильная фабрика и Горнощитский мраморный завод имели сложившиеся полувековые традиции и производственный уклад, проявлявшиеся в частичном введении в коммерческий оборот камнерезных изделий. Для Локтевской шлифовальной мельницы и Колыванской шлифовальной фабрики, изначально находившихся в ведении Кабинета, был характерен полный запрет таких операций и ориентация только на удовлетворение потребностей императорского двора. Подобную практику Кабинет пытался ввести на уральских камнерезных предприятиях. По данным В. Б. Семенова и Н. И. Тимофеева, с 1818 г. Екатеринбургской гранильной фабрике запрещалось выполнять частные заказы и выставлять каменные вещи

на продажу. Позже Кабинет был вынужден приспособиться к действовавшим традициям. Положением 1836 г. было вновь разрешено изготовление изделий по частным заказам и на продажу с условием, что это не будет препятствовать скорости и качеству выполнения кабинетских изделий [3, с. 45]. Цена их формировалась за счет прибавления не менее 12% к их себестоимости [25, л. 193]. Положением Петергофской фабрики предписывалось начислять на продаваемую каменную вещь от 30 до 150% в пользу фабрики и от 3 до 10% на премирование мастеровых [24, л. 31]. Кольванскому предприятию выполнять частные заказы и самостоятельно выставлять камнерезные изделия на продажу до 1885 г. было запрещено [28, с. 65–66].

Во второй половине XIX в. развитие русской скульптуры и архитектуры перестало носить исключительно продворянский характер. Произошел переход к многостилью, ориентированному на различные категории населения. Резко сократилось дворцовое и одновременно получило развитие муниципальное строительство. Власть утратила доминирующее влияние на застройку городов. Быстрыми темпами стало расти кустарное камнерезное производство на Урале. В этих обстоятельствах традиционные изделия Кольванской шлифовальной, Екатеринбургской гранильной фабрик и Горнощитского завода оказались менее востребованными.

Реформа 1861 г. коренным образом изменила условия функционирования кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири. Переход на вольный контрактный найм рабочих, существенное увеличение оплаты их труда, рост цен на продукты, материалы и услуги, а также развитие рыночных отношений поставили перед Кабинетом проблему сокращения расходов на содержание камнеобрабатывающей отрасли, обслуживавшей исключительно интересы коронованной особы и не приносящей дохода.

Накануне и в первые годы после реформы 1861 г. Кабинетом было продано, сдано в аренду или закрыто большое число императорских предприятий, таких как Выборгский стеклянный завод, Царскосельская обойная и Киево-Межигорская фаянсовая фабрики, шпалерная мануфактура [29, с. 431]. В 1858 г. было остановлено действие Горнощитского мраморного завода [30, л. 47–47 об.]. В 1863 г. все население Горнощитского завода с разрешения Кабинета и МИДВУ было передано в гражданское ведомство и «причислено» к Горнощит-

ской волости Екатеринбургского уезда [31, л. 1]. Заводское имущество, пригодное для дальнейшего использования, предписывалось перевезти на гранильную фабрику, а непригодное продать с торгов [30, л. 49]. В 1866 г. началась передача помещений Горнощитского завода и принадлежавших ему мраморных ломов в аренду частным лицам [4, с. 178]. Месторождения ювелирных камней с 1862 г. также стали предметом коммерческой деятельности Кабинета, который на протяжении всего пореформенного периода сдавал их в аренду [4, с. 53]. В результате проводимой Кабинетом экономической политики прекратило существование одно из кабинетских камнерезных предприятий Урала.

Длительный период под вопросом находилась судьба гранильной фабрики. Предполагаемое увеличение расходов после освобождения уральских камнерезов от обязательного труда стало главной причиной предложения Кабинета закрыть или сдать в аренду Екатеринбургскую гранильную фабрику, поддержанного в 1861 г. Александром II [4, с. 154]. В 1865 г. Кабинет принял решение о закрытии этого предприятия или передаче его в аренду, рекомендовав директору фабрики П. И. Миклашевскому не начинать новые работы, а начатые закончить к концу следующего года. Этому распоряжению Кабинета противодействовала как администрация фабрики, затягивавшая окончание работ над изделиями и неофициально принимавшая новые заказы, так и уральская общественность [2, с. 70]. Но и Кабинет не спешил с реализацией своего решения. Одной из причин этого была необходимость обеспечения действия Кольванской шлифовальной фабрики «русским» наждаком «на должайший по возможности срок» [32, л. 22–22 об.].

Главной причиной расстановки приоритетов Кабинета в пользу Кольванской шлифовальной фабрики, проигрывавшей уральскому предприятию по своему местоположению и набору сырьевых ресурсов, являлось стремление к сокращению ведомственных расходов в условиях роста цен и оплаты труда работникам. Отказаться от камнерезного производства полностью оно не могло, так как в его функционировании был заинтересован император. Менее затратным, даже с перевозками готовых изделий в Петербург и закупкой наждака на Урале, выглядело содержание Кольванской шлифовальной фабрики, которое на 10 000 руб. уступало официальному ежегодному

ассигнованию на действие екатеринбургского предприятия. Кабинет явно занижал возможности уральского камнерезного предприятия и делал акцент на его вспомогательной роли обеспечения Кольванской фабрики наждаком. Но в 1868 г. Кабинет распорядился изготовить вазу из калканской яшмы для Венской выставки в обход своего решения о закрытии гранильной фабрики, что привело к его отмене в 1873 г.

Аннулирование распоряжения Кабинета о закрытии Екатеринбургской гранильной фабрики и радикальные изменения условий функционирования этого предприятия потребовали разработки для него нового штатного положения. Кабинет рекомендовал администрации гранильной фабрики руководствоваться при его составлении штатом колыванского предприятия от 15 июля 1868 г., бюджет которого составлял 22 492 руб. [33, л. 3–4]. Эту сумму директор гранильной фабрики А. И. Лютин признал слишком ограниченной в условиях города из-за несоответствия быта и расходов сельских обывателей Кольванской фабрики и городских жителей Екатеринбурга [32, л. 232–232 об.]. Разработка нового штата гранильной фабрики затянулась до 1888 г., когда кабинетское ведомство приобрело новую структуру [29, с. 326]. Екатеринбургская и Кольванская фабрики поступили в распоряжение земельно-заводского отдела Кабинета. 24 мая 1888 г. был высочайше утвержден новый штат Екатеринбургской гранильной фабрики с бюджетом 3700 руб. в год [34, л. 4–4 об.]. В эту сумму входило только содержание управляющего и смотрителя фабрики. Операционные, хозяйственные, «временные» расходы, а также «пенсионные издержки» предполагалось ежегодно утверждать в МИДВУ. Такой порядок позволял регулировать расходы фабрики при повышении или понижении цен на рынке труда и продовольственном рынке. Утвержденная министром императорского двора 23 сентября 1888 г. сумма предполагаемых на год расходов уральского камнерезного предприятия, включая штатную, составила 24 500 руб. [34, л. 7]. Через шесть лет она составила 25 261 руб. [35, л. 4 об.–5]. Увеличивалось и ежегодное содержание Кольванской шлифовальной фабрики. К 1901 г. оно достигло 25 181 руб. 81 коп. [28, с. 69].

После реформы 1861 г. Кольванская шлифовальная фабрика и Екатеринбургская гранильная фабрика могли функционировать только за счет ассигнования и заказов Кабинета. Попытки коммер-

циализации их деятельности оказались неэффективными, но причины этого были различны. В Екатеринбурге такое положение, вероятно, было обусловлено трудностью совмещения работы на Кабинет и на рынок при высокой конкуренции с развитым кустарным камнерезным производством. В начале XX в. в Екатеринбурге функционировало наибольшее количество гранильных и камнерезных мастерских в уезде (97), четыре из которых с ежегодными оборотами в 14, 30, 50 и 90 тыс. руб. [36, с. 45]. Для сравнения, Екатеринбургской гранильной фабрикой за 1894 г. было продано готовых изделий на сумму 24 руб. 38 коп., за 1900 г. — на 90 руб. 90 коп. [35, л. 6 об.—7; 37, л. 6 об.]. Одной из наиболее важных причин этого явления было существование устойчивого спроса на изделия художественной камнеобработки, обусловленного особыми условиями формирования уральской городской культуры, «когда культурные эталоны «новой» городской культуры поставлялись специфическим контингентом уральских высших кругов — купцами, офицерами, разбогатевшими дельцами, заинтересованными в приобретении предметов, утверждавших особую социальную роль» [38, с. 14]. В числе этих предметов были и камнерезные изделия.

На Алтае подобный спрос не был сформирован, в том числе по причине автономного функционирования шлифовальной фабрики, которая до 1880-х гг. не была связана с рынком и работала исключительно для Кабинета. Первый частный заказ был принят управляющим Кольванской шлифовальной фабрикой по предложению главного начальника Алтайского горного округа в 1884 г. [39, л. 17 об.—18]. В 1885 г. Кабинет официально разрешил Кольванскому предприятию выполнение частных заказов [28, с. 66]. Поиск заказчиков и сбыт готовой продукции фабрикой был затруднен ее расположением в сельской местности и удаленностью на 360 км от ближайшего города. В 1889 г. при участии Главного управления Алтайского округа был найден комиссионер по продаже изделий Кольванской фабрики — барнаульский купец 2-й гильдии Созонт Михайлович Яренский. Главное управление заключило с ним договор на 2 года о продаже каменных вещей в магазине купца. Ему запрещалось производить их самостоятельный отбор, но предоставлялось право рекомендации по изготовлению наиболее продаваемых видов изделий. Вознаграждение за услуги С. М. Яренского составляло 5% с каждого рубля от об-

щей суммы выручки [40, л. 1–1 об.]. Договор с ним был продлен еще на год, а в его магазин для «оживления сбыта печатей и изучения гравировки на металле» был определен резчик шлифовальной фабрики Иван Феоктистов Воротников с жалованьем 3 руб. в месяц [40, л. 15]. 95% от выручки С. М. Яренский сдавал в кассу МИДвУ. 18 мая 1891 г. эта сумма составила 72 руб. 23 коп., 29 января 1892 г. – 44 руб. [40, л. 20, 29]. С 1893 г. продажей колыванских изделий стал заниматься исполняющий обязанности «расходчика» Главного управления Алтайского округа Н. Геблер. 28 марта 1893 г. он сдал в кассу только 12 руб. 34 коп. [40, л. 46]. Архивные документы не содержат сведений, за какой срок были получены эти суммы (за месяц или год), но в переписке управляющего шлифовальной фабрикой с вышестоящими инстанциями традиционно подчеркивался незначительный вклад выручки от выполнения частных заказов и реализации изделий в бюджет предприятия.

Алтайские камнерезы негативно восприняли деятельность фабрики по выполнению частных заказов, которые до 1885 г. являлись для них дополнительным источником дохода [41, л. 1]. Их недовольство было связано с тем, что в условиях значительного сокращения кабинетских заказов администрация фабрики вынуждена была занимать как можно большее число контрактников частными заказами и, соответственно, распределять между ними полученную за их выполнение оплату. Кроме того, определенный процент от вырученной суммы она оставляла в бюджете фабрики. В этих обстоятельствах существенно сокращалась оплата труда каждого участника выполнения заказа.

Пореформенный период в истории кабинетской камнеобработки Урала и Алтая оказал негативное влияние на сохранение ее рабочих кадров. По штатному расписанию алтайского камнерезного предприятия 1868 г. контингент его работников уменьшился на 26% по отношению к штату 1807 г. и на 47,2% в сравнении с предреформенными годами. Так, в 1860 г. на Колыванской шлифовальной фабрике трудилось 235 чел., без учета 53 подростков [42, л. 262]. В 1869 г. численность работников этого предприятия, заключивших контракты, приближалась к штатной и составила 116 человек.

Основной причиной резкого сокращения численного состава рабочих по отношению к дореформенному времени было быстрое увеличение расходов на содержание фабрики после 1861 г. Оно приво-

дило к существенным ежегодным перерасходам денежных средств. В 1880 г. задолженность фабрики перед Алтайским горным правлением составляла 25 531 руб., превысив годовое ассигнование, предусмотренное штатом 1868 г., на 3039 руб. [43, л. 10 об.]. Тяжелая финансовая ситуация, в которую попала Колыванская шлифовальная фабрика после освобождения мастеровых от обязательного труда, была очевидна для администрации этого предприятия и вышестоящих инстанций еще до 1861 г., поскольку подтверждалась опытным путем по использованию в течение трех лет вольнонаемных рабочих.

Для Урала нестабильный период в сохранении рабочих кадров в камнеобработке был связан с предполагавшимся закрытием Екатеринбургской гранильной фабрики. В 1866 г. на ней насчитывалось только 46 чел. [4, с. 34]. Однако после отмены решения о закрытии фабрики и постепенной смены приоритетов Кабинета от колыванского к екатеринбургскому центру камнеобработки происходил постепенный рост численности работников екатеринбургского предприятия и сокращение кадрового состава камнеобрабатывающей отрасли на Алтае (см. таблицу).

**Численность рабочих Екатеринбургской гранильной фабрики
и Колыванской шлифовальной фабрики**

Екатеринбургская гранильная фабрика		Колыванская шлифовальная фабрика	
Год	Количество рабочих	Год	Количество рабочих
1866	46	1867	117
1887	55	1886	116
1894	71	1894	95
1898	77		
1906	61	1909	38

Источники: [43, л. 34; 44, л. 79–84; 45, л. 13 об.–15 об.; 46, л. 5 об.–8; 47, л. 1 об.–3 об.; 48, л. 88–93; 49, л. 16–18 об.].

Реформа 1861 г. также оказала влияние на устойчивость родов рабочих двух камнерезных предприятий. С одной стороны, произошел переход от наследственной службы к вольному контрактному найму. Контракты носили краткосрочный характер и могли не продлеваться либо администрацией, либо работниками. С другой стороны, для сохранения и пополнения кадрового состава кабинетских камнерезных предприятий контрактникам и их семьям предоставля-

лись особые преимущества. Тем не менее за 26 лет после реформы 1861 г. пофамильный состав уральских камнерезов сменился на 67,3%. Династические связи рабочих гранильной фабрики основной квалификационной группы по данным за 1887 г. с мастерами дореформенного периода удалось проследить только в пяти случаях. Сравнение именных списков уральских камнерезов за 1887–1916 гг. показало, что их состав менялся каждые 5–6 лет в среднем на 45,9%. В данный хронологический отрезок было установлено только пять фактов поступления сыновей работников гранильной фабрики на место службы их отцов [50, с. 155–157, 270–272]. Все это свидетельствует о слабой устойчивости родов мастеровых и рабочих Екатеринбургской гранильной фабрики.

На Колыванской шлифовальной фабрике с 1868 по 1909 г. пофамильный состав работников сменился только на 26%, и в нем продолжали складываться династические связи [50, с. 152–155, 266–268, 273–274]. Такая разница в степени устойчивости родов рабочих кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири была обусловлена прежде всего отсутствием альтернативы службе на фабрике в Колыванской волости и широким выбором места работы в Екатеринбурге и близлежащих к нему населенных пунктах. У основной части мужского населения с. Колыванского существовала к тому же некая психологическая привязанность к службе на фабрике, преимущественно в основной квалификационной группе, сформировавшаяся еще в дореформенный период. В 1893 г. в газете «Сибирский вестник» отмечалось, что «мастеровые, как прежде, поступая на [Колыванскую шлифовальную] фабрику мальчиками, пребывали в ней, по большей части, до самой смерти, так как и ныне работа на фабрике является единственным способом пропитания» [51]. Известны лишь немногочисленные факты, когда мастера алтайского камнерезного предприятия в поисках заработков уезжали работать на стройки Змеиногорской электролитической фабрики или Транссибирской железной дороги [52, л. 2–10].

Сравнение размеров жалования уральских и алтайских камнерезов за 1886–1909 гг. показывает, что оплата труда работников Екатеринбургской гранильной фабрики значительно превышала жалование колыванских камнерезов. Например, во второй половине 80-х гг. XIX в. разница годовых окладов представителей основной группы ра-

бочих уральского и алтайского камнеобрабатывающих предприятий, исключая мастеров, составляла 73 руб., а вспомогательной — 88 руб. 60 коп. [50, с. 251–252].

В 1898 г. в переписке Кабинета, Главного управления Алтайским округом и управляющего Колыванской шлифовальной фабрикой обсуждалась необходимость увеличения жалованья алтайским камнерезам до размеров оплаты труда рабочих гранильной фабрики. Вероятно, инициаторами переписки по этому вопросу являлись колыванские контрактники, которые неоднократно обращались к администрации округа с прошениями об увеличении им заработной платы в 80–90-х гг. XIX в. [41, л. 1–4; 53, л. 77]. Управляющий шлифовальной фабрикой П. А. Ивачев сопоставил полученные им сведения из Екатеринбурга о денежном вознаграждении уральских камнерезов с жалованием колыванских работников и пришел к выводу, что эти суммы нельзя привести в соответствие в связи с более высоким уровнем жизни горожан [53, л. 78 об.]. Тем не менее оплата труда мастеровых и рабочих Колыванской шлифовальной фабрики была повышена за счет выделения Кабинетом дополнительных 1 500 руб. к ежегодному ассигнованию на действие этого предприятия [53, л. 100]. В начале XX в. средний размер жалованья алтайских камнерезов существенно отличался от денежного вознаграждения рабочих Екатеринбургской гранильной фабрики. Технические мастеровые уральского предприятия получали в среднем на 3,5 руб. больше колыванцев, а представители вспомогательных специальностей — на 8,7 руб. в год. Наибольшая разница в окладах была характерна только для мастеров. В 1909 г. главный мастер шлифовальной фабрики получал на 24 руб. меньше, чем мастер Екатеринбургского камнерезного предприятия.

Хотя оплата труда на Екатеринбургской гранильной фабрике вплоть до начала XX в. была значительно выше, чем на колыванском предприятии, эта разница компенсировалась за счет более высокого уровня цен в условиях крупного промышленного центра. Значительно меньшая оплата труда колыванских камнерезов по сравнению с уральскими была связана прежде всего с местоположением гранильной и шлифовальной фабрик. Кабинетское камнерезное предприятие Урала функционировало в крупном промышленном центре, где в конце XIX в. насчитывалось 19 заводов и фабрик, существовали бо-

лее высокий спрос на рабочие руки и конкуренция со стороны кустарной камнеобработки [54, с. 23]. Это стимулировало поддержание конкурентоспособного уровня заработной платы на гранильной фабрике, что было нехарактерно для колыванского предприятия из-за отсутствия альтернативного места работы для большей части мужского населения поселка.

Главным преимуществом уральских камнерезов перед алтайскими являлись широкие возможности для реализации своих профессиональных качеств и более высокий спрос на производимую ими продукцию. Уральские камнерезы имели возможность участвовать в кустарном производстве и его обслуживании. Еще с первой половины XIX в. работники гранильной фабрики занимались самостоятельным изготовлением и реализацией камнерезных изделий, но сведения о ней в пореформенный период в источниках фрагментарны [50, с. 146–147]. Рабочие колыванской шлифовальной фабрики также имели возможность для частной деятельности. По воспоминаниям В. И. Митина, в доме его прадеда Федора Ивановича Владимирова, работавшего на фабрике в конце 60 – 80-х гг. XIX в, был установлен ножной камнерезный станок. «На этом станке делали нефритовые мундштуки, кулоны, другие вещи на заказ для состоятельных людей, приезжавших в Колывань. На станке можно было сверлить, шлифовать, полировать» [55]. Еще со второй половины 50-х гг. XIX в. мастеровым Колыванской шлифовальной фабрики разрешалось пользоваться и фабричным оборудованием для работы над частными заказами [28, с. 65]. Но в документах предприятия зафиксировано только изготовление рабочими группой или в частном порядке изделий, которые подносились от их лица в качестве подарков царствующим особам [50, с. 148–149].

Еще одним следствием отмены обязательного труда и деятельности камнерезных предприятий в новых условиях явились изменения в пополнении камнерезных центров квалифицированными кадрами и их подготовке. В 1870 г. в Колыванской фабрике был закрыт рисовальный класс, в котором готовили мастеров камнерезного искусства. Это было связано с тем, что родители стали отказываться от специального обучения своих детей, требовавшего 3–4 года, так как жалованье ученикам не выплачивалось, а родители не имели возможности держать их на иждивении длительный срок. В 1896 г.

управляющий Колыванской фабрикой П. А. Ивачев предпринял попытку организации ремесленного класса для обучения плотничному, столярному и кузнечному делу, но информация о результатах этой инициативы не обнаружена. Известно лишь, что в октябре 1898 г. ремесленный класс еще не функционировал [53, л. 94, 100].

При Екатеринбургской гранильной фабрике школа грамотности с классом рисования, лепки и резьбы на камнях была организована в частном порядке директором предприятия В. В. Мостовенко в 1886 г. Он доложил о своих действиях в Кабинет, но ответа не получил. Школьникам платили небольшое жалованье за счет продажи изготовленных ими на занятиях сувениров и на поденной основе позволяли подрабатывать на фабрике подмазчиками. В формулярных списках работников гранильной фабрики за 1886–1916 гг. 15 человек, заключивших после окончания школы контракт с директором этого предприятия, являлись выходцами из крестьянских обществ, преимущественно Екатеринбургского уезда. В 1911 г. в школу гранильной фабрики было передано все имущество рисовального класса Колыванского камнерезного предприятия: «...фотографический аппарат с принадлежностями, рисовальные принадлежности, оставшиеся от рисовальной школы вещи, а также минералогические коллекции, кристаллические картонные фигуры» [56, л. 3]. С 1913 г. школа при гранильной фабрике получила статус специального технического заведения МИДвУ, в которое поступали выпускники начальных школ. Обучение в нем осуществлялось в течение трех лет и предусматривало изучение рисования, геометрии, камнерезного дела, лепки, черчения, минералогии [56, л. 27–27 об.]. Деятельность специального учебного заведения для подготовки профессиональных кадров камнерезов при Екатеринбургской гранильной фабрике и передача ему имущества колыванского рисовального класса была обусловлена результатами производственной деятельности алтайского и уральского предприятий в конце XIX – начале XX в.

Острая необходимость переоборудования являлась общей проблемой кабинетской камнеобработки Урала и Сибири в пореформенный период. Использование преимущественно ручного труда приводило к значительному удорожанию камнерезных изделий и увеличению времени на их обработку. С данной проблемой Кабинет столкнулся при изготовлении деталей сени храма Воскресения Христова

(«Спаса на Крови»), возводившейся на месте смертельного ранения Александра II. Работа по изготовлению сени была начата в 1896 г. в трех центрах камнерезного производства, продолжалась вплоть до 1918 г., но так и не была закончена. Колыванской шлифовальной фабрике было поручено выполнение колонн, шатра, кокошников и карнизов из ревневской яшмы; камнерезному предприятию в Екатеринбурге – все ажурные работы из темно-зеленой с синим отливом яшмы, а также детали из орлеца.

Стремление ускорить эти работы заставило руководство ведомства приобрести динамо-машины для электрического освещения уральского и алтайского предприятий и некоторые новые камнеобрабатывающие станки. Оно удовлетворило ходатайства управляющих гранильной и шлифовальной фабрик, рассчитывая на сокращение сроков выполнения заказа. Опираясь на историографию и источники, можно сделать вывод, что наиболее активно и последовательно техническое обновление производства проводилось в Екатеринбурге. Это продемонстрировал и ход работ над сенью храма Воскресения Христова, для которого был характерен наиболее медленный темп обработки деталей сооружения, порученных Колыванской шлифовальной фабрике. Неудовлетворительная работа алтайского камнерезного предприятия и мнение его управляющего В. А. Андреева о нерентабельности функционирования шлифовальной фабрики привели к тому, что в 1909 г. состав ее работников был сокращен на 67,2% по отношению к 1886 г.

После изготовления карнизов для сени храма Воскресения Христова земельно-заводской отдел Кабинета в декабре 1912 г. предписал администрации колыванского предприятия ориентироваться только на «добычу цветных камней на каменоломнях и обделку этих камней на самой фабрике в болванках для приготовления из них разного рода изделий» Петергофской и Екатеринбургской гранильными фабриками [57, л. 46]. Это решение Кабинета было окончательно закреплено протоколом заседания по вопросу реорганизации Петергофского, Екатеринбургского и Колыванского камнерезных предприятий, проведенного в январе 1914 г. [58, л. 1 об.–2]. В составе участников этого заседания отсутствовал представитель администрации шлифовальной фабрики. Возможно, это было связано с тем, что в обсуждении принимал участие директор уральского кабинетского

предприятия В. А. Андреев, который с 1903 по 1913 г. занимал пост управляющего алтайской камнеобработкой. Еще в 1908 г. он писал в Кабинет о нерентабельности Колыванской фабрики, предлагая ограничить ее только добычей камней [59, л. 18 об.]. Можно предположить, что его точка зрения сыграла важную роль при вынесении решения относительно будущего алтайского камнерезного предприятия. По итогам заседания на 50% было сокращено его финансирование и, соответственно, состав работников. В 1914 г. весь персонал фабрики, включая администрацию, насчитывал 9 чел. [6, с. 59]. Колыванская шлифовальная фабрика стала вспомогательным и малозначимым предприятием отрасли.

Екатеринбургская гранильная фабрика, несмотря на «задолженность работ» над порученными ей деталями сени, продемонстрировала целесообразность ее сохранения в прежнем виде. Параллельно с работой над сенью она продолжала снабжать Кабинет художественными камнерезными изделиями, что было нехарактерно для Колыванского предприятия. Главную роль в более успешном ходе работ над сенью на Урале сыграл директор гранильной фабрики В. В. Мостовенко, который, соглашаясь на их выполнение, потребовал от Кабинета средства на ремонт и переоборудование фабричных механизмов, что было удовлетворено. В процессе работы он активно участвовал в обсуждении художественных деталей сени, несколько раз выезжал на место ее строительства, вносил свои коррективы в проект архитектора сооружения А. А. Парланда, который, по его мнению, не учитывал свойства поделочных камней. Все это обеспечило более результативный ход работ на гранильной фабрике, хотя в 1913 г. горный инженер В. Духонь в «Записке о техническом состоянии Императорской екатеринбургской гранильной фабрики» отмечал слабую механизацию производства этого предприятия, в котором продолжал использоваться преимущественно ручной труд [4, с. 426–427]. В 1913 г. под руководством нового директора В. А. Андреева началось переоборудование гранильной фабрики, для чего Кабинет выделил дополнительные средства. Кроме того, на совещании 1914 г. было принято решение ежегодно вносить в смету Екатеринбургской гранильной фабрики особый кредит в размере 2500 руб. на проведение поисков, разведки и добычи уральских цветных камней [58, л. 4–4 об.]. Но реализация этих мероприятий была отложена

в связи с началом Первой мировой войны. Многие камнерезы Урала и Алтая были призваны в действующую армию. К концу 1916 г. на Екатеринбургской гранильной фабрике насчитывалось около 20 рабочих и служащих [4, с. 370]. В течение этого года 12 человек были призваны на военную службу. На Колыванском предприятии в 1916 г. числилось только 5 человек [6, с. 60]. После Февральской революции 1917 г. и последовавшего упразднения МИДВУ и Кабинета завершился кабинетский период функционирования Екатеринбургской гранильной и Колыванской шлифовальной фабрик.

Горнощитский мраморный завод, Колыванская шлифовальная и Екатеринбургская гранильная фабрики составляли преимущественную часть уникальной камнерезной отрасли. Единое ведомственное подчинение предприятий Кабинету, сложившееся в 1811 г., стало основой внутриотраслевого взаимодействия между ними. Особый интерес вызывает региональная специфика административно-хозяйственной деятельности Кабинета в отношении подведомственных ему камнерезных предприятий. В первой трети XIX в. основные отличия в положении камнерезной отрасли в двух регионах были связаны с особенностями территориальных объединений, в рамках которых функционировали кабинетские камнерезные предприятия. Принадлежность Екатеринбургского горного округа казне обусловила изменение Кабинетом системы управления гранильной фабрикой и мраморным заводом, из которой с 1836 г. им был исключен горный начальник, а предприятия подчинены Кабинету. До отмены обязательного труда для кабинетского ведомства было характерно преимущественно паритетное отношение к уральскому и алтайскому центрам художественной камнеобработки, что обеспечило стабильность производственной деятельности отрасли, формирование потомственных квалифицированных кадров ее рабочих и устойчивость их численного состава с тенденцией к росту.

Последствия реформы 1861 г. поставили перед Кабинетом задачу сокращения расходов на содержание камнеобрабатывающей отрасли, не приносящей дохода. Решить эту проблему Кабинет попытался за счет прекращения действия, сдачи в аренду или продажи подведомственных ему уральских камнерезных предприятий и месторождений цветного камня, а также путем сохранения менее затратной в финансовом отношении Колыванской шлифовальной фабрики. Рас-

становка приоритетов Кабинета в первое десятилетие после отмены обязательного труда в пользу Кольванского предприятия способствовала сохранению кадрового состава его работников, что, наряду с отсутствием альтернативного места службы, обусловило стабильную деятельность шлифовальной фабрики и высокую степень династичности алтайских камнерезов. В то же время эта ситуация привела к сокращению и потере квалифицированных кадров работников Екатеринбургской гранильной фабрикой. Действие уральского предприятия и обеспечение работой камнерезов основывалось в этот период лишь на затягивании выполнения старых заказов Кабинета.

Смена приоритетов Кабинета произошла после отмены им в 1873 г. распоряжения о закрытии Екатеринбургской гранильной фабрики, что обеспечило стабильное действие этого предприятия и рост численности его работников. Для Кольванской шлифовальной фабрики с 1880-х гг. были характерны обратные процессы: отсутствие заказов Кабинета, приостановка работы предприятия, сокращение кадрового состава камнерезов и переориентация предприятия исключительно на добычу цветных камней. К тому же первое из предприятий изначально было ориентировано не только на обслуживание потребностей императорского двора, но и на работы по заказам частных лиц, которые были обеспечены высоким спросом на камнерезную продукцию в регионе. Кольванская шлифовальная фабрика была до 1885 г. формально лишена этой возможности. Разрешение Кабинетом коммерческой деятельности для алтайского камнеобрабатывающего предприятия не дало положительных результатов. У руководства и рабочих Кольванской фабрики отсутствовал опыт взаимодействия с рынком. Сказывалась также замкнутость Алтайского округа, связанная с длительным периодом патерналистской политики кабинетского ведомства по отношению к алтайскому горнозаводскому комплексу в целом. В итоге кольванское предприятие оказалось более отсталым в техническом отношении по сравнению с екатеринбургским, что привело к его официальной реорганизации в 1914 г. в каменоломню.

Разница итогов, с которыми к 1917 г. подошли Екатеринбургская гранильная и Кольванская шлифовальная фабрики, была результатом региональных сырьевых приоритетов Кабинета и обеспеченности гранильной и шлифовальной фабрик ведомственными заказами.

Можно утверждать, что упадок производства на Колыванской шлифовальной фабрике и потеря ею значения в отрасли произошли под влиянием внутриотраслевого развития, формировавшегося на основе региональных особенностей центров кабинетской камнеобработки. Предпринятый анализ их совместного внутриотраслевого развития, определявшийся административно-хозяйственной политикой Кабинета, меняет представление об автономном функционировании и развитии российских камнерезных центров, характерное для историко-геоммологических и искусствоведческих исследований.

Источники и литература

1. Павловский Б. В. Камнерезное искусство Урала. Свердловск: Средне-Уральск. кн. изд-во, 1953. 151 с.
2. Семенов В. Б., Тимофеев Н. И. Книга резного искусства. Екатеринбург: ИГЕММО «Lithica», 2001. 144 с.
3. Семенов В. Б., Тимофеев Н. И. Екатеринбургская камнерезная и антиковая фабрика. 1805–1861 гг. Екатеринбург: ИГЕММО «Lithica», 2002. 752 с.
4. Семенов В. Б., Тимофеев Н. И. Екатеринбургская гранильная фабрика. 1861–1917 гг. Екатеринбург: ИГЕММО «Lithica», 2003. 496 с.
5. Каган Ю. О. Класс резного искусства. Екатеринбург: ИГЕММО «Lithica», 2002. 602 с.
6. Савельев Н. Я. Алтайские камнерезы. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1956. 71 с.
7. Агапова Т. И. Алтайские камнерезы // Промышленность Сибири и ее кадры. Новосибирск, 1976. С. 75–87.
8. Родионов А. М. Колывань камнерезная: повествование о рудознатцах, горных инженерах, подмастерьях и мастерах. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. 239 с.
9. Ферсман А. Е. Очерки по истории камня. В 2 т. Т. 2. М.: Терра — Книжный клуб, 2003. 336 с.
10. ПСЗРИ-1. Т. 17. № 12369.
11. Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX века: Уральское горное управление. М.: Наука, 2008. 355 с.
12. Тулисов Е. С. Законодательные инициативы уральских горных начальников: к вопросу о создании Проекта Горного положения // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С. 221–225.
13. ПСЗРИ-1. Т. 28. № 21839.
14. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 7.
15. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 13.
16. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 97.
17. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 11.
18. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 46.

19. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 44.
20. Тихобаева Л. С. Формы внутриотраслевого сотрудничества кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Алт. гос. ун-та. 2007. № 4/2. С. 145–151.
21. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 59.
22. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 103.
23. Швецов А. Я. История открытия и изучения месторождений поделочных камней на Алтае // Кольвань: История, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998. Барнаул, 1998. С. 127–130.
24. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 113.
25. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 163.
26. ПСЗРИ-2. Т. 11. Отд. 1. № 9087.
27. Горланов Л. Р. Кризис феодально-крепостнической системы в удельных имениях России // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 54–97.
28. Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае: краткий исторический очерк к столетию фабрики, 1802–1902. Барнаул, 1902. 81 с.
29. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904: историческое исследование. СПб., 1911. 659 с.
30. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 370.
31. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 396.
32. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 416.
33. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7278.
34. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 496.
35. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 533.
36. Гранильный и камнерезный кустарный промыслы в Екатеринбургском уезде. Екатеринбург, 1909. 97 с.
37. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 579.
38. Алимова Л. Б. Художественные промыслы горнозаводского Урала в XVIII – начале XX вв.: историко-экономический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997. 23 с.
39. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 401.
40. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 460.
41. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 132.
42. ГААК. Ф. 59. Оп. 2. Д. 100.
43. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 159.
44. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 374.
45. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 465.
46. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 539.
47. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 632.
48. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 59.

49. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 345.
50. Тихобаева Л. С. Рабочие кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири (1786–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. 276 с.
51. Сибирский вестник. 1893. Прилож. к № 28.
52. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 424.
53. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1428.
54. Гаврилов Д. В. Рабочие Екатеринбурга в конце XIX – начале XX вв. (1895–1904 гг.) // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1990. С. 22–47.
55. Воспоминания рабочего Кольванского камнерезного завода им. И. И. Ползунова В. И. Митина. Записаны 17.01.1993 г. Личный архив автора.
56. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 708.
57. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1987.
58. ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 788.
59. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1816.